

Юрий Михайлов

*Конечная
остановка*

Повесть о юности

Юрий Михайлов
Конечная остановка.
Повесть о юности

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20976288
ISBN 9785448313691*

Аннотация

После прочтения повести вдруг ощущаешь неодолимую вещь: все герои как будто зажаты одним кольцом, вместившим в себя их судьбы. И что бы они ни делали, что ни предпринимали, чтобы вырваться из кольца, всё равно они возвращаются к своей конечной остановке трамвая. Где расположены их дом, школа, техникум, комбинат, больница, суд, овраг, кладбище...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Конечная остановка

Повесть о юности

Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-1369-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Они дружили втроем: Генка, Витёк и Георгий (Жорка). С класса четвертого – очевидно и крепко. До того – эпизодами, как соседи, живущие в одном микрорайоне. Обычная деревня, частный сектор, вдруг оказалась окраиной большого города. Улица Генки была второй от объездной поселковой дороги, тогда еще уложенной круглым булыжником. С другой стороны поселочек огибали трамвайные рельсы: там, в конце их, – последняя остановка городского маршрута №1. Дальше – овраг и несколько бараков довоенной постройки. С противоположной стороны, у леса – двухэтажный коммунальный дом Витька. Таких строений поставили прямо в лесу с десяток.

Далее шла река, одна из сотен притоков Волги. К реке даже летом непросто подобраться: берег зарастал непроходимой крапивой и лопухами. Зимой все утопало в глубоких сугробах. На фоне невероятно грязной реки снег выглядел чистым и белым. Видимо, сказывалось, что это окраина города, а также наличие небольших садовых участков и огородов, минимальное количество машин и отсутствие загаженных дорог.

Здесь мальчишки купались летом на искусственно возведенных лавах, зимой ломали на горе ноги и лыжи. Жорка так за всю свою жизнь и не смог съехать с целой горы, ведущей

к реке. Витёк съезжал, засунув палки от лыж между ног. Генка вообще не любил катание с гор: ему хватало, в принципе, штанги и всяких там гиревых упражнений.

У двоих, кроме Жорки, были живы оба родителя, но уж больно старо они выглядели: то ли пережитая война сказывалась, то ли питались, по привычке, все еще экономным военным пайком. Пацаны курили по-тихому, не воруя табачок у отцов, иногда выпивали даже без праздничного повода. Витёк, похожий на индийского киногероя Раджа Капура, отращивал усы, без конца смачивал голову водой, с восьмого класса носил в кармане презерватив.

Вечером, выйдя с друзьями на прогулку, он выворачивал у каждого карманы. И если наскребал мелочи на «чекушку», то радовался, словно ребенок любимой игрушке. Но денег в семьях было мало. В принципе, деньги в это время доставались всем тяжело: сил у отцов едва хватало на рабочую смену. Труд в цехах малоквалифицированным мужчинам доставался тяжелый: такелажники, реже – ремонтники, на другое рассчитывать не приходилось. Станки с ЧПУ и навороченные ДИПы доставались уже их подросткам во время войны сыновьям и новому, послевоенному поколению.

Честно сказать, и Генка, и Жорка обходились без водки легко. Заводился Витёк: у него была сильно пьющая семья, живущая к тому же в достатке. Мать всю жизнь состояла при бельевом складе, отец – мастер по ремонту швейных машинок. В выходные дни они могли пить водку с самого

утра и до начала новой рабочей недели. Естественно, хочешь не хочешь, Витьку всегда перепадало несколько рюмок.

Жорка был довольно впечатлительной натурой, и с этой чертовой выпивкой однажды пережил такой шок, что до окончания школы старался не брать в рот спиртного.

Дело шло к вечеру, смеркалось, но еще не зажигали уличного освещения. Они втроем, как всегда, шли по одной из улиц поселка. Навстречу брел одинокий мужчина в шляпе, толстом драповом пальто. Витёк остановил его:

– Закурить дашь?

– Не курю. И вам не советую.

Удар правой рукой Витёк нанес настолько молниеносно и сильно, что мужчина завалился на спину.

– А ну, встань, шваль! Учить вздумал рабочий класс? Щас еще получишь...

– Не надо, ребята! Я не хотел...

– Деньги есть?

– Немного есть.

– Дай нам на бутылку... взаймы.

Генка и Жора стояли ошарашенные, не зная, что им делать и что говорить. Мужчина достал женский кошелек, вынул три рубля и протянул Витьку.

– Это все, что есть... Я могу идти?

Витёк небрежно сунул деньги в карман куртки, сказал:

– Вали, су... к, быстро!

Мужчина, семеня ногами, почти побежал.

Пацаны все, даже Виктор, оцепенели от случившегося. Это же преступление!

Первым очухался Геннадий:

– Догони его! Верни деньги! Скажи, что мы пошутили, поспорили...

– Фу... и! Выпить хотца...

Генка бил Витька страшно. Но, в принципе, на третьем-четвертом ударе тот уже отключился. Жорка выхватил деньги из куртки Витька и помчался за женщиной. Тот – от него. Еле догнал: к счастью, женщина был маленького роста. В общем, Жора сказал нужные слова, извинился и тихо побрел назад. В спину он услышал:

– Кретины... Так же в тюрьму можно сесть!

Когда он подошел к друзьям, Витёк уже пришел в себя. Генка сказал, обращаясь к Жорке:

– Приведи его в чувство!

И Витьку:

– Я буду тебя бить за каждое воровство. Запомни это! Или уходи от нас...

После этого эпизода они перестали выпивать на улице, а Жорка не стал пить вино даже в компаниях.

Второй и последний инцидент с дракой произошел ближе к выпускным экзаменам. У Генки объявился двоюродный брат, Толян, который, приехав из глухой деревни, поступил в ПТУ. Балагур, весельчак, знал много частушек. Играл на простой гармошке только так! Но драчун: выпьет на ко-

пейку, а покуражиться надо на рубль.

Гуляли все вместе в широком пологом овраге, где снежные горки были естественные, их не надо ни мастерить, ни чистить. Там по вечерам собирались практически все местные школьники от восьмого до одиннадцатого классов. Кто-то привозил огромные дворовые сани, сваренные из толстенных труб (а такие, с учетом печного отопления, были практически в каждом доме), затаскивали их на макушку одной из многочисленных горок, разгонялись и на сумасшедшей скорости, падая друг на друга, съезжали вниз. В итоге до низа горы добирались два-три человека. Остальные разлетались по снегу во время спуска.

В этот вечер Толян приехал с опозданием на час-полтора от обычного его графика и с запахом спиртного. Генка спросил:

- Что за праздник, что пьешь без нас?
- Да так, у кореша день рождения...
- Что же ты сорвался, оставался бы в компании?
- Скучно, брательник!

И заорал во все горло:

– Выхожу и запеваю, а в кармане молоток! Неужели не заступится двоюродный браток?

И Толян действительно достал из кармана красиво сработанный небольшой цельнометаллический молоток. Изделие, выпускаемое в стенах их ПТУ.

– Ты что, дурак? – спросил Жорка.

– А вот сейчас узнаешь! Как на... по кумполу, так сразу поймешь!

– Убери, – сказал Геннадий.

Помолчал, добавил:

– А лучше вали отсюда, пока не протрезвеешь. Давай-давай, чеши в свое ПТУ!

– Так-то ты за родного брата... Эх-х-х! Пойду народ крушить!

Начала собираться толпа, привлеченная ором великовозрастного пэтэушника.

– Прекрати! – сказал Генка. – И убери игрушку, дурак!

– А ты возьми, попробуй! – начал дурачиться Толян, размахивая молотком.

Он был вертким, по-деревенски крепким, хотя и ростом не вышел, и спортом не занимался. Ребята начали пятиться от него, кое-кто отбежал на значительное расстояние. Генка еще раз сказал Толяну, чтобы тот прекратил куражиться. Как будто масла в огонь подлил: тот уже полез и на брата. Геннадий подставил под удар молотка левую руку, а правой коротким тычком в лоб свалил Толяна в снег. Сказал:

– Вставай!

Брат неуклюже, на четвереньках, пытался подняться на ноги.

– Поднимите его.

И только Жорка с Витьком приподняли Толяна, оторвав его руки от снежного настила, как он снова получил корот-

кий удар в голову. Летел метра три, упал на спину, руки раскинул, молоток улетел в сторону. Генка повернулся и пошел по протоптанной в снегу тропинке, ведущей к кольцу городского трамвая. Ребята потянулись за ним. Вечер был испорчен.

Им не надо было садиться в трамвай, куда-то ехать: они жили в домах, расположенных вокруг конечной остановки. Витек не выдержал, сказал:

– А чо ты дерешься, всем морды бьешь?

– Это мой брат, я за него отвечаю, – сказал Генка после некоторой паузы.

– А меня за что бил?

– Ты знаешь.

– Я же не твой брат!

– Я думал, что мы – друзья, настоящие... С ворами я не знаюсь, запомни. И выбирай: или мы, или – свободен.

Таков был Геннадий Борисович Крутов (в народе – Генка). Он рос в верующей, даже патриархальной семье, где не ругались матом, вино пили только по праздникам. Мама, сестра и тетки Геннадия по воскресеньям ходили в церковь, а отец, после войны инвалид второй группы, еще долго работал на производстве, пока не поставил сына на ноги. В это понятие он включал несколько стадий. Первое и главное – чтобы Генка не спился, не скурвился и не попал в тюрьму. Второе – закончил школу и поступил в институт. Заветная мечта отца – увидеть сына дипломированным инженером.

Он даже не объяснял, что вот, мол, нам не удалось попасть в институт, так пусть хоть наши дети закончат учебу. Он лично знал, как было перед войной непросто вырваться из колхоза и начать новую жизнь в городе. Все, что он успел в деревне, так это окончить начальную школу. Но она дала ему многое: он умел читать, писать, прекрасно считал, освоил до разговорного уровня немецкий язык. Но это уже помогла война и его личное желание научиться объясняться с побежденным противником.

Отец Генки, дядя Боря, умел все: сам построил собственный дом, баню, забор, вырыл колодец, сложил десятки печей по всей улице, разбирался в технике – от велосипеда до мотора в автомашине. Все мальчишки бегали только к нему с неисправными великами. Мужики приглашали посмотреть вдруг забарахливший мотор какого-нибудь четырехколесного раритета. На их улице было даже две «победы»: они достались большим героям войны и труда как подарок от правительства. К их моторам дядя Боря тоже приложил руки.

За ремонт он денег не брал, водку за свой труд ни с кем не пил. Хотя дома у него всегда стояла припасенная бутылка с белой сургучной головкой – «благородная водка» для особого случая и особого гостя. Выпивал он не больше ста пятидесяти граммов, но так умело поддерживал беседу, что никто и не замечал его секрета.

Он много читал, особенно когда окончательно вышел на пенсию по состоянию здоровья. Выписывал областную га-

зету, журнал «Крокодил». Дочь приносила ему из читального зала районной библиотеки на выходные дни журналы «Огонек» и «Международная жизнь». От корки до корки прочитывал дядя Боря любимые издания, переживал за состояние нашей внешней политики, за дела государства и партии. Он, как глава семейства и участник войны, все тосты на домашних торжествах начинал своим особенным тостом: – Выпьем за то, чтобы не было новой войны!

Его понимали, поддерживали не только друзья-однополчане, но и Генка с пацанами, которым также разрешалось поучаствовать на начальном этапе застолья. Их поили яблочным компотом, им выдавали по тарелке густых наваристых щей и горячей, притомившейся в домашней печи, картошки. Селедка была приправой, тонко порезанная, с луком, обильно политая подсолнечным маслом. Это было объедение! Потом они, как младшие члены застолья, шли на улицу. Нередко праздник у них продолжался уже среди своей мальчишеской компании. Этим занимался Витёк, правда, без особого энтузиазма со стороны и Генки и Жорки.

Так был воспитан Геннадий. Он верил в дружбу. Защищал слабых, поскольку сам был здоровым и сильным, а с пятого класса по-серьезному занимался в секции классической борьбы при Центральном Доме физкультурника. Записался он туда сам, бесплатно и без всякого блата. Пришел туда как-то под вечер, его пустили просто посмотреть обычное занятие в секции. А через три дня он уже в новенькой фор-

ме приступил к тренировкам. К окончанию в школе девятого класса Геннадий на многочисленных соревнованиях подтвердил свой первый мужской разряд, готовился к Всесоюзной спартакиаде школьников, где запросто мог стать кандидатом в мастера спорта СССР. Юношеская сборная области по классической борьбе занималась накануне спартакиады по шесть-семь часов в день, утром и вечером. Так что в последнее время друзья почти не видели Генку.

Глава вторая

Виктор Сергеевич Пыжиков (в народе – Витёк) жил с мамой и папой, младшей сестрой и бабушкой в благоустроенной трехкомнатной квартире, несмотря на то что дом старый, деревянный, расположенный на самой окраине города. Отец вмонтировал в печь водяной котел, по всей квартире протянул трубы для отопления (подача воды в доме была предусмотрена с момента его постройки). Отдельный титан грел воду для огромных размеров чугунной ванны. Рядом, за перегородкой, разместился туалет, где стены были покрыты голубым кафелем, а унитаз сделан (как любил подчеркивать отец) из розового теплого фаянса.

Квартира хорошо меблирована: кровати для взрослых и детей, несколько шкафов с зеркалами сверкали отполированным дубовым шпоном, в большой комнате стоял громадный стол с полудюжиной стульев и низко склоненным над ним абажуром из бархата бордового цвета. Кухню отец по молодости мастерил еще сам. Она была громоздкой, с буфетом, который вмещал всю кухонную утварь, столешницей из сибирской лиственницы и газовой плитой с привозными баллонами. Обеденного стола в кухне как такового никогда не было: семья любила обедать в самой большой комнате, под абажуром.

И Генка, и Жорка поначалу обалдели от увиденной в квар-

тире Витька роскоши. У первого в семье стояла кое-какая «мебелишка», но что можно расставить в двух небольших комнатах частного дома, в котором размещалась их семья с отцом-матерью, двумя детьми, вечными гостями – родственниками, которые приезжали то на базар, то на моление...

Жорка вообще жил в «благоустроенном» бараке, где туалет, один на двадцать семей, располагался в конце коридора, кухня с пятью плитами по четыре конфорки на каждой разместилась ближе к центру жилища, а вход – с противоположной стороны туалета. Всего несколько лет назад (Жорка хорошо помнил это время) туалет стоял на улице, гигантскую печь, раскорячившуюся на кухне, топили двухметровыми поленьями, входов и выходов в бараке было два. Не дай бог, в мороз кто-нибудь по безалаберности или по пьянке забывал закрывать входные двери! К утру волосы примерзали к наволочке на подушке.

Витёк боялся таких жилищ, поэтому ни разу не зашел к Жорке в гости. У него была своя комната со столом-партой для приготовления уроков, с приемником «ВЭФ» из Прибалтики, разместившимся на полке, книжным шкафом, где хранились школьные учебники и тетради. Правда, последние два года Витёк еле-еле тянул в школе с двойки на тройку. Если в школу зачастила его мама, то это значило, что скоро конец учебной четверти. Всем в классе было известно, что дядя Сергей, отец Витька, ближе к вечеру привозил

учителям на своем «москвиче» ящики со сливочным маслом и копченой колбасой, качественной водкой. Разбирался недоступный для простых смертных дефицитный товар моментально.

Официально дядя Сережа работал на швейном комбинате «Красная речка», ремонтировал сломавшиеся швейные машинки. Но, похоже, свободного времени у него было навалом. В рабочее время его видели и на складах рядом с колхозным рынком, и на продбазе, и на овощехранилище, где получали продукты и бочковое пиво посланцы половины магазинов и пивнушек города и окрестностей. Он всех знал, со всеми здоровался, обнимался, что-то кому-то передавал из рук в руки, какие-то свертки передавали ему. Не обходилось без гостевых ста граммов: поэтому он никогда не ездил на работу на машине.

Домой он возвращался поздно, сильно поддатым, но при всем при том сумку-саквояж килограммов на пятнадцать он никогда не выпускал из рук, какой бы тяжелой она ни была. Если встречал во дворе Витька, то начинал ругаться:

– Дармоед! Не видишь, что отец еле тащит? Помочь ума не хватает? Работать пойдешь – узнаешь, как достается трудовой рубль...

При этом он выразительно смотрел на пять-шесть старух, которые всегда сидели на скамейке у подъезда дома, буквально ждал от них положительной реакции на свои слова.

– Так их, Серёжа! Бездельники, шпана! Молодец! Все

в дом тащит... Ну что за мужик хозяйственный! – реагировали старухи.

Витёк помогал отцу затащить сумку в квартиру на второй этаж, возвращался через три-четыре минуты, доставал из кармана как минимум рубль, а то и трояк. Ни Генка, ни Жорка не знали: то ли отец ему платит за оказанную помощь, то ли Витёк по дороге успевал обчистить карманы подвыпившего главы семейства. Ребятам он ничего не говорил, ловко пересчитывал остальную мелочь, которую собирал в их карманах и, не глядя на друзей, направлялся в продмаг, расположенный в конце их улицы. Там знакомые продавщицы не спрашивали у него ни паспорта, ни возраста.

Потом они шли в сосновые посадки за домами, где местные мужики оборудовали несколько столов: хочешь в карты или домино играй, хочешь – выпивай. Под досками одного из столов была оборудована ниша, где всегда хранились минимум два стакана. Выпивали, закусывали хлебом, иногда девчонки в продмаге давали Витьку луковицу и плавленый сырок «Дружба». Генка только краснел от выпитого – с такой дозы взять его невозможно. Жорка начинал дурачиться: его тянуло на чтение стихов или он предлагал «поорать» песни. Витёк начинал хандрить, как будто он что-то потерял, не доделал, недополучил. Нередко у него прорывалось:

– Давайте еще пошмонаем, а? Стрельнём еще на чекушку...

Разговоры прекращал, как правило, Генка:

– Завтра тренировка. И сегодня-то не надо было. Так уж, за компанию... Ну что, ходим проверим наших боевых подруг?

Боевые подруги – три старшеклассницы, причем учились они в разных с мальчишками классах, кроме одной. С Генкой за соседней партой сидела его коллега по спорту – кандидат в мастера по спортивной гимнастике Татьяна. Обычного роста, она буквально была выточена из мышц. От постоянных нагрузок на тренировках и участия в соревнованиях она выглядела как стройная девчонка-подросток. Хотя вроде бы и груди у нее приличные, и ноги выглядели стройными и, как казалось Жорке, нормально длинными.

Вторая подруга – школьный комсорг, Наталья. Ее любили или не любили в школе все: по-другому с начальством нельзя. Но она нравилась Жорке по-настоящему. Она носила легкие, в золоченой оправе, очки, ступни длинных стройных ног при ходьбе ставила чуточку в стороны – несколько лет посещала балетную студию. Грудь недоразвита, руки – загляденье, плавные, с длинными тонкими пальцами.

Третья подруга – сам восторг, человек с таким положительным зарядом эмоций по отношению к жизни, что ребята иной раз даже терялись, как вести себя с этим разноцветным, постоянно бьющим фонтаном. Ириша – так ее звали дома, в классе, в компании друзей. Она самая богатая ученица в школе: ее отец возглавлял крупнейший во всей экономической зоне Верхнего Поволжья строительный трест. Он

заканчивал возведение на окраине города Межрегиональной ТЭЦ, и где-то через год наша Ириша могла сорваться с места и вместе с отцом махнуть на очередную стройку.

Если идти по дороге от Витька, то на первой улице от его дома располагался кирпичный, с парадным входом и даже небольшим садом, дом Татьяны. Кто-то в школе пустил слух, что она вернулась сегодня со сборов. Ребята были почти уверены, что спортсменки еще нет дома, но на всякий случай решили зайти. Ее мать, большой профсоюзный лидер местного значения, уже пришла с работы.

– Наши мушкетеры пожаловали! – улыбаясь, сказала традиционную фразу Наталья Николаевна. – Бабуль, ты глянь, они сегодня даже трезвые! А ваш предмет воздыхания передал вам пламенные приветы из столицы нашей Родины. Вот, письмо получила... Минутку! «Генке – не хандрить, готовиться к Спартакиаде. Жорке желаю тянуть по-серьезному на золотую медаль на экзаменах. Да, познакомилась здесь с кубинцами! Забавные ребята, вспомнила его рассказы о Фиделе. Витьку – готовиться, скоро экзамены, бросить наконец бегать за рюмкой... Могу поговорить с Иришкой, она с удовольствием позанимается с ним хоть по всем предметам. Жаль, что ее симпатии остаются односторонними...» Вот такие вам пожелания, мушкетеры! А у Татьяны – отборочный чемпионат в рамках стран Варшавского договора. Она говорила, что это фактически неофициальный чемпионат Европы, а может, и мира.

– Наталья Николаевна, передайте Тане, если будет звонить, наши пожелания. Только «золото», на худой конец – «серебро»! Ей надо стать мастером спорта СССР! – Генка растрогался и, чтобы скрыть смущение, тут же направился к выходу.

Остальные потянулись за ним.

– Спасибо, верная троица! Может, наливочки по рюмочке выпьете, вот, вместе с бабулей? Она большая любительница...

– Нет, – сказал Генка, как отрезал. – Надо еще кучу дел переделать.

На улице «возник» Витёк:

– А чо ты за всех-то решаешь? Может быть, мы с Жоркой и выпили бы? Чо ты сразу-то отваливаешь?

– Иди, – сказал Генка, – я никого не держу. Собирай рюмки. Это твои проблемы. Жора, ты идешь?

– А куда? – наивно спросил Георгий.

– Ну не здесь же торчать! Мы к девчонкам собирались. К Татьяне зашли так, на всякий случай...

– А я к этой дурочке не пойду! – сразу бросил Витёк фразу в адрес Иришки. – Я от нее устаю через пять минут. Пойду-ка я лучше домой!

– Витёк, не пей больше, завтра куча контрольных, – это на ходу сказал Жорка, выбираясь на улицу от дома Татьяны.

– Чо вы меня учите все, воспитываете все?! Чо я вам, брат или сват? Сам знаю, когда, сколько и с кем пить! – и Витёк

демонстративно перешел на другую сторону улицы.

– Вот дурак! – искренне сказал Генка. – Мать его уже лежала в психушке не раз, «белая горячка». Отец уже плачет после того, как чуть выпьет лишнего... Жор, пойдем? У меня поиграем в шахматы или в шашки, ублажим батю...

– Нет, Генаша, я тоже пойду домой. Татьяна правильно сказала: надо заниматься, иначе в МГУ не попадешь.

– Ну, пошли, нам больше полдороги идти вместе.

Давно зажглись уличные фонари. А вот и тот самый высоченный столб-циркуль, с которого свалился их одноклассник Санька Кошкин, доставая малышам запутавшегося в проводах летучего змея. Смерть была мгновенной. Класс в шоке: первая в их жизни смерть одноклассника и похороны. И второе: как можно без пяти минут выпускнику школы не представлять опасности прикосновения к голым электропроводам, да еще на высоте почти двадцати метров?

Молча прошли мимо этого горько-памятного места. Потом была школа, но не их, а для малышни, начальная, где работала Жоркина мама; потом – роддом с вечно орущими под окнами пьяненькими мужиками; здание народного суда и наконец – остановка трамвая, кольцевая, откуда трамвай опять уходил в город. Здесь их пути на сегодня расходились. Генка пошел на параллельную проложенным трамвайным рельсам улицу, где стоял его дом. Жорка отправился в свой «благоустроенный» барак рядом с оврагом.

Витек рысцой довольно быстро добежал до своего дома.

Еще полквартала – и вот он, магазин. Он встал на углу такого же, как у него, дома и стал поджидать продавщиц. До закрытия магазина оставалось меньше получаса. Выкурил сигарету, стал замерзать. Не удержался, заглянул в магазин. Девчонки подсчитывали выручку. Одна из них заметила его, толкнула в бок подругу, высокую смуглую брюнетку. Та величественно повернула голову, посмотрела на Витька свысока и тут же повернулась к подругам. Что-то сказала им. Те закивали, на прощанье бросили фразу:

– Возьми пару «жигулевского», свеженькое... Беги, до завтра!

Витёк вышел, ждал подругу на улице. Она несла небольшой сверток – видимо, пиво.

– Привет, карапуз! – небрежно бросила девушка.

– Я тебе говорил, что схлопочешь? Это тебе не поселок кирпичного завода, где ты обитаешь. Здесь пэтэушников нет, в натуре!

– Ой, испугал, Витёчек! Кто тебя еще, салажонка, приласкает и приголубит?

И без перехода:

– Когда к тебе пойдём? Есть пиво свежее, девки две воблы дали. Пойдем к тебе зайдём? Тетя Нонна приходила в магазин, в дупелёчек была... Она, наверное, сейчас спит. Да и отец твой, думаю, уже готов.

– Чо ты буровишь, дур-рра! У меня сестра младшая, бабушка дома... Куда мы пойдём?! В постель захотелось? Да-

вай, съезжай с общаги-то, покупай полдома, тогда и угол свой будет, и поживем как люди. А раз нет этого, тогда заткнись и помалкивай!

– Ладно, мальчик мой, я все понимаю. Но обидно же и хочется, чтоб как у людей...

– Пока будет как у б...

– Тогда веди меня к трамвайной остановке, чтобы я сразу в трамвай и домой.

Недалеко от остановки стоял многоподъездный кирпичный жилой гигант сталинской постройки. Здесь, в крайнем подъезде дома, они и присмотрели хороший теплый закуток под лестницей. Днем там работали местные слесари, дверь, закрываемая на ночь, вела куда-то в нутро жилища. Смена заканчивалась, дверь запирали на ключ, потом выставлялся раздвижной, словно гармошка, заборчик, огораживающий вход от посторонних глаз. Место чистое и даже уютное. Но влюбленных парочек, желающих провести там время, Витёк ни разу не встречал. А может, он так редко приводил сюда свою подругу?

Они присели на корточки, облокотившись о стену. Витёк открыл пиво, разделал воблу, свежую, с которой капал жир. Пили из горлышка, молча, не спеша, говорить было, в принципе, не о чем.

– Сонь, ты татарка, што ли? – спросил вдруг Витёк.

– И что? Я, между прочим, семилетку кончила и три года училась в ПТУ на продавца. А татарин у меня отец, но он

не живет с нами. Он прогнал маму за неверность... В общем, длинная это история.

– А ты расскажи!

– Ты видел, сколько время-то, слушатель? Пока ты начнешь да кончишь, пока до другого конца города допилишь на трамвае, можно уже снова на работу собираться.

– А чо ты в центре магазин не найдешь?

– Эх ты, умник! А ты знаешь разницу в торговле горторга и кооперации? Так вот, у меня кооперация. Я здесь как за каменной стеной. Только все наши магазины, к сожалению, находятся у черты города или в райцентрах... Давай начнем, а то и правда, время бежит. Ты как сегодня настроен?

– Все, мне надо бежать. Посадишь меня на трамвай? – спросила девушка.

– Конечно, хотя мне тоже еще надо пилить по темноте.

– И это ты смеешь говорить любимой девушке? Ах ты, школьник невоспитанный! – это были, как правило, ее последние слова, когда она садилась в вагон трамвая.

Резко трезвонил зуммер, трамвай дергался и набирал скорость. Соня сидела на деревянной скамейке и, наверное, уже засыпала...

Виктор Пыжиков трясся по всем девяти параллельным друг другу улицам, чтобы как можно скорее добежать до своей, десятой по счету, где его ждали теплый дом, ужин и перина на кровати. Он улыбался: нет, не зря он сбежал сегодня от пацанов!

Глава третья

Геннадий Борисович Крутов (в народе – Генка) жил почти на окружной дороге, мощеной булыжником и опоясывающей весь поселок, с частными домами, крепкими и развалоухами, с заборами и без них. По этой дороге возили покойников на кладбище. Генку завораживала эта похоронная процессия. Если он гулял на улице, то обязательно пристраивался к людям, медленно идущим за машиной или лошадью, впряженную, как правило, в широкую телегу. Он уходил от дома и ничего не мог с собой поделаться.

Домой возвращался, особенно осенью или зимой, уже затемно. Ему крепко попадало и от отца, и от мамы. Нет, его никогда не били, он не помнит такого. Но особенно сильно ругала его мать и убедительно говорила, что, увидев такую процессию, надо просто постоять, перекреститься и сказать: «Господи, упокой душу раба Божьего! Аминь». И всё.

– Нечего маленьким школьникам делать на кладбище! – более сурово наставлял отец. – Ты что, нищий? Ждешь, что тебе подадут милостыню? Или на поминки пригласят? Не понимаю тебя, Геннадий. Ведь стыдно же должно быть – чужие люди кругом.

А Генку волновали совсем другие проблемы. Почему люди умирают? Почему не живут вечно? Как помочь им найти «живую» воду? Почему прошлый год умерла такой моло-

дой его тетка – Полина? Он завороженно смотрел на свежую землю вырытой могилы, на то, как быстро исчезает в песке и глине гроб с телом умершего, как горько плачут и убиваются люди... И холодок страха пробегах по его маленькой спине: «А мама, папа, сестра, я сам – мы все тоже умрем? И нас тоже закопают в сырую землю?»

На такие вопросы он не находил ответа. Но уже тогда он твердо знал, что когда-нибудь он по-другому будет помогать людям. Не деревянной ложечкой ковырять во рту, мерить температуру и ставить на спину дурацкие банки. Он будет спасать их жизни. И первым он спасет на вечную жизнь маму и отца, потом сестренку, потом кое-кого из родственников, а уж потом – всех остальных.

При этом Геннадий не то чтобы бредил медициной, он даже никогда и никому не говорил, что хочет стать врачом. Он как бы и хотел стать врачом, но другим – таким, кто смог бы продлевать жизнь людям. Но он понимал, что поднимет себя на смех, если в школе узнают о его мечте. И поэтому помалкивал о своих планах. А тут еще в девятом классе повели их в анатомический музей при морге областной больницы. И Генке стало плохо, как только он увидел стекающую по желобку кровь из-под накрытого белой простыней покойника. Вот тебе мечты и реальность...

Он стал готовиться в физкультурный институт, но на кафедру спортивной медицины. Думал, что два-три года, пока его еще хватит на занятия борьбой, пока станет масте-

ром спорта СССР, он спокойно протянет на этом факультете. А там жизнь покажет... Татьяна, которой он единственной сказал о своих проблемах, поняла его и поддержала такое решение. Сама же она точно собиралась поступать в институт на педиатрию: она очень любила детей.

Их отношения развивались ни шатко ни валко. То она на сборах по два-три месяца, то он на соревнованиях – по неделе, а то и больше отсутствует в городе. Слава богу, что ему практически не надо было ездить на эти чертовы сборы: у них в ЦЮШ (Центральной юношеской школе) с борцовским уклоном были созданы такие условия, что сборные из многих областей и республик рвались к ним потренироваться, пройти школу их тренеров, помериться силами с местными спортсменами.

Редко, но иногда им с Татьяной удавалось сходить в кино. Геннадий брал билеты на последний ряд зала поселкового кинотеатра, и они весь фильм целовались. Конечно, соседи видели, чем они занимаются. Но, во-первых, на последний ряд вечернего киносеанса известно для чего покупаются билеты. А во-вторых, у Генки был настолько силен авторитет борца, что с ним считали за честь поздороваться за руку многие гости из кавказских республик (борьбе они поклоняются), которые месяцами жили на их колхозном рынке. О своих, поселковых, можно просто забыть: шпана старалась обходить его за километр.

Учился Геннадий ровно, почти без троек. Но ему прихо-

дилось изрядно попотеть, чтобы усвоить предмет или выполнить домашнее задание. Он был упорен, на подготовку уроков не жалел ни времени, ни сил. Понимал, что это все идет в копилку его подготовки к экзаменам в институт. Чего греха таить: он знал, что мастера спорта поступают в вузы гораздо проще, чем простые смертные. Тем более в физкультурный институт. Но он хотел доказать и себе, и, главное, Татьяне, что он не тупой бык с центнером живого мяса, а думающий, умный человек, а потом уже спортсмен-борец.

Татьяна любила его (это уже не было секретом ни для кого – ни в классе, ни в школе) именно за такой характер. Потому что красавцем Генку никак нельзя было назвать. Действительно, сто килограммов веса при росте чуть меньше ста восьмидесяти сантиметров делали его фигуру похожей на шкаф. Но он почти не задыхался, не потел, даже на тренировках обходился одним полотенцем. Дыхание ему поставил еще в средних классах школы бывший мастер спорта по лыжным гонкам, а ныне преподаватель физкультуры, Владимир Веняминович Просолов. Его имя гремело на всю нашу необъятную родину: чемпион Европы, СССР... Трагедия в семье – и он остался один, стал крепко выпивать. Он уехал на малую родину, где друг еще по спортивной секции взял его к себе в школу учителем физкультуры. За несколько лет они вдвоем вырастили мастера спорта и нескольких кандидатов в мастера спорта СССР по лыжным гонкам.

Просолов и на Геннадия положил глаз, но с одним усло-

вием – надо худеть, надо сильно похудеть. Очень старался Генка. Не получалось. Тогда-то с горя он и пошел записываться в ЦЮШ при Центральном доме физкультурника. Так вот и прижился на новом месте. Но дыхание ему Просолов за год-полтора, пока он ходил к нему в секцию, поставил капитально.

Дружил Геннадий и с другими ребятами в классе, школе. Как-то, играя в баскетбол, познакомился, а потом и подружился с парнем из параллельного класса – Мишкой Снегиревым. Оригинальным человеком оказался этот южанин, приехавший из Балаклавы. Он, оказывается, с восьмого класса любил учительницу географии Ольгу Николаевну. Генка прикинул разницу в их возрасте: она оказалась не такой уж и большой – всего одиннадцать лет. Но дело даже не в этом. Главное, что Мишка на одном из школьных вечеров признался ей в любви. Она сильно переволновалась, растерялась, запаниковала, рассказала мужу. Тот, работая замдиректора одного из крупнейших ПТУ в городе, привык махать шашкой. Встретил Мишку после занятий в школе, начал на него орать: я тебя туда-сюда... А у парня первый разряд по боксу, да еще и самбо он неплохо владел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.